Консультативная психология и психотерапия
2026. *34*(3), 158—177.
https://doi.org/10.17759/cpp.2026340308
ISSN: 2075-3470 (печатный)
ISSN: 2311-9446 (online)

Counseling Psychology and Psychotherapy
2026. *34*(3), 158—177.
https://doi.org/10.17759/cpp.2026340308
ISSN: 2075-3470 (print)
ISSN: 2311-9446 (online)

Научная статья | Original paper

Роль материнского стресса и стиля воспитания в развитии детского стресса в условиях вооруженного конфликта

М.В. Балева[1, 2] ✉, **Н.А. Руднова**[1], **В.А. Плотникова**[1], **А.Н. Шатская**[1], **Е.Г. Максименко**[1, 3], **И.В. Султанова**[1, 4]

[1] Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

[2] Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

[3] Донецкий государственный университет, Донецк, Российская Федерация

[4] Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

✉ milenabaleva@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Психическое здоровье матерей и детей в условиях вооруженного конфликта представляет собой критически важную проблему. Исследования показывают, что материнский стресс и дезадаптивные стили воспитания выступают ключевыми медиаторами в передаче психологических последствий травмы от матери к ребенку даже при отсутствии у него прямого контакта с боевыми действиями. Однако остаются неясными характер влияния удаленности от зоны конфликта на эти процессы и уникальный вклад материнского стресса и воспитательных практик в детский стресс после учета регионального фактора. **Цель**. Оценить влияние близости к зоне боевых действий на уровень материнского стресса, стили воспитания и стресс у ребенка, а также определить уникальный вклад материнского стресса и родительских практик в уровень детского стресса после контроля влияния регионального фактора. **Гипотезы**. 1. Удаленность от зоны боевых действий отрицательно связана с уровнем материнского стресса, негативными стилями воспитания и уровнем детского стресса. 2. Материнский стресс и стиль воспитания

© Балева М.В., Руднова Н.А., Плотникова В.А., Шатская А.Н., Максименко Е.Г., Султанова И.В, 2026

CC BY-NC

вносят уникальный вклад в уровень стресса ребенка, который нельзя объяснить лишь неблагоприятной обстановкой в регионе. **Методы и материалы**. В исследовании приняли участие 3544 матери (M = 35,87 лет, SD = 5,43 года) детей дошкольного возраста, проживающих в Донецкой Народной Республике (ДНР), Республике Крым и других регионах России. Использовались русскоязычные версии опросников: Шкала воспринимаемого стресса (оценка материнского стресса), Шкала воспринимаемого стресса для детей (оценка детского стресса матерью) и Опросник практик родительского воспитания (выявление видов воспитания: позитивный, непоследовательный, применение наказаний). Для анализа данных применялись описательная статистика, кластерный анализ, дисперсионный анализ и иерархическая регрессия. **Результаты.** Уровень материнского стресса линейно снижался с увеличением удаленности от зоны конфликта. Уровень детского стресса и использование карательного непоследовательного стиля воспитания были значимо выше в ДНР, но не различались в Крыму и других регионах. Иерархический регрессионный анализ показал, что материнский стресс и, в особенности, карательный непоследовательный стиль воспитания вносят уникальный и значительный вклад в уровень детского стресса, превышающий влияние регионального фактора. **Выводы**. Стили воспитания являются самостоятельным и наиболее мощным фактором риска развития детского стресса. Полученные результаты подчеркивают необходимость комплексных интервенций, направленных одновременно на снижение материнского стресса и коррекцию родительских практик, как в зонах активных конфликтов, так и в условно благополучных регионах.

Ключевые слова: детский стресс, материнский стресс, стиль воспитания, вооруженный конфликт, психологическая травма, трансгенерационная передача

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526).

Для цитирования: Балева, М.В., Руднова, Н.А., Плотникова, В.А., Шатская, А.Н., Максименко, Е.Г., Султанова, И.В. (2026). Роль материнского стресса и стиля воспитания в развитии детского стресса в условиях вооруженного конфликта. *Консультативная психология и психотерапия, 34*(3), 158—177. https://doi.org/10.17759/cpp.2026340308

Балева М.В., Руднова Н.А.,
Плотникова В.А., Шатская А.Н.,
Максименко Е.Г., Султанова И.В. (2026)
Консультативная психология и психотерапия,
34(3), 158—177.

Baleva M.V., Rudnova N.A.,
Plotnikova V.A., Shatskaya A.N.,
Maksimenko E.G., Sultanova I.V. (2026)
Counseling Psychology and Psychotherapy,
34(3), 158—177.

The role of maternal stress and parenting style in the development of child stress in the context of armed conflict

M.V. Baleva[1, 2] ✉, **N.A. Rudnova**[1], **V.A. Plotnikova**[1], **A.N. Shatskaya**[1], **E.G. Maksimenko**[1, 3], **I.V. Sultanova**[1, 4]

[1] Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation
[2] Perm State National Research University, Perm, Russian Federation
[3] Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation
[4] Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
✉ milenabaleva@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The mental health of mothers and children in the context of armed conflict is a critically important issue. Research indicates that maternal stress and maladaptive parenting styles are key mediators in the transmission of the psychological consequences of trauma from mother to child, even in the absence of the child's direct exposure to combat. However, the nature of the influence of distance from the conflict zone on these processes and the unique contribution of maternal stress and parenting practices to child stress, after accounting for the regional factor, remain unclear. **Objective.** To assess the influence of proximity to the combat zone on the level of maternal stress, parenting styles, and child stress, as well as to determine the unique contribution of maternal stress and parenting practices to the level of child stress after controlling for the influence of the regional factor. **Hypotheses.** 1) Distance from the combat zone is negatively associated with the level of maternal stress, negative parenting styles, and the level of child stress. 2) Maternal stress and parenting style make a unique contribution to the child's stress level that cannot be explained solely by the adverse regional environment. **Methods and materials.** The study involved 3544 mothers (age: M = 35.87, SD = 5.43) of preschool-aged children residing in the Donetsk People's Republic (DPR), the Republic of Crimea, and other regions of Russia. Russian-language versions of questionnaires were used: the Perceived Stress Scale (assessment of maternal stress), the Perceived Stress Scale for Children (mother's assessment of child stress), and the Parenting Practices Questionnaire (identification of parenting types: positive, inconsistent, use of punishments). Data analysis employed descriptive statistics, cluster analysis, analysis of variance (ANOVA), and hierarchical regression. **Results.** The level of maternal stress decreased linearly with increasing distance from the conflict zone. The level of child stress and the use of a punitive inconsistent parenting style were significantly higher in the DPR but did not differ between Crimea and other regions. Hier-

archical regression analysis showed that maternal stress and, especially, the punitive inconsistent parenting style make a unique and significant contribution to the level of child stress, exceeding the influence of the regional factor. **Conclusions.** Parenting styles are an independent and the most powerful risk factor for the development of child stress. The obtained results emphasize the necessity for comprehensive interventions aimed simultaneously at reducing maternal stress and correcting parenting practices, both in active conflict zones and in relatively prosperous regions.

Keywords: child stress, maternal stress, parenting style, armed conflict, psychological trauma, transgenerational transmission

Funding. The study was supported by The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the Research Project 075-15-2024-526).

For citation: Baleva, M.V., Rudnova, N.A., Plotnikova, V.A., Shatskaya, A.N., Maksimenko, E.G., Sultanova, I.V. (2026). The role of maternal stress and parenting style in the development of child stress in the context of armed conflict. *Counseling Psychology and Psychotherapy, 34*(3), 158—177. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/cpp.2026340308

Введение

В исследованиях неоднократно были показаны психологические последствия военных действий для мирных жителей. К таким последствиям относятся, прежде всего, тревога, депрессия и ПТСР (Ковалевская, 2020; Макеева, 2023; Ткаченко, Мишина, 2024; Dolgikh et al., 2025). Особенно тяжело война переживается матерями и их детьми. Взаимная зависимость делает эти группы особенно уязвимыми, поскольку негативные переживания матери отражаются на субъективном благополучии ребенка. Такое влияние вполне объяснимо, поскольку под влиянием стресса стиль материнского воспитания подвергается существенной трансформации. Так, например, ощущая перманентную опасность, мать может непроизвольно усилить опекающее поведение, стать более раздражительной и даже агрессивной. Это повышает риск психологической травмы для ребенка даже в том случае, если он не является прямым свидетелем боевых действий. Такой опосредованный стресс был неоднократно зафиксирован в исследованиях, проводившихся в горячих точках мира (напр., Feldman et al., 2013; Feldman et al., 2014; Halevi et al. 2016, 2017; Zamir et al., 2018). Их объединяет общее понимание того, что материнский дистресс, проявляющийся, в частности, в непоследовательном поведении, чрезмерной жесткости и раздражительности, приводит к изменениям детского поведения — соци-

альному избеганию, протесту, агрессии и др. Другими словами, поведенческие проблемы детей, находящихся в зоне боевых действий, часто являются не столько реакцией на происходящие события, сколько следствием нарушенных отношений в диаде «мать—ребенок».

Похожие закономерности выявлены и на детско-родительских выборках исследуемых, живущих в условиях относительной физической безопасности. Например, Sim et al. (2018), изучая сирийских беженцев в Ливане, показали, что угнетенное состояние матери является ключевым медиатором детского неблагополучия, которое проявляется в целом спектре психосоциальных проблем, включая тревогу, депрессию и агрессию.

Еще более поразительные опосредованные проявления детского стресса обнаружены в трансгенерационных исследованиях. Так, например, Shachar-Dadon et al. (2017) выявили, что дети матерей, которые подверглись воздействию военной травмы еще до зачатия ребенка, обнаруживают более низкие показатели адаптивности. Hasandedic-Dapo и Cihan (2025) показали, что даже спустя десятилетия после окончания войны контролирующий стиль материнского воспитания провоцирует вторичную травму уже у выросших детей.

Важно отметить, что механизмы передачи стресса от матери к ребенку проявляют себя не только в условиях боевых действий. В российском исследовании, проведенном на выборке матерей дошкольников (Rudnova, Kornienko, 2024), обнаружено, что повышенный уровень стресса у матери положительно связан с карательным и отрицательно — с позитивным стилем воспитания. В свою очередь, материнский стресс и карательное воспитание являются значимыми предикторами детского стресса.

Помимо родительских практик, значимым фактором стресса, как у матерей, так и у детей, являются социодемографические условия и характеристики. Согласно результатам исследования Dzhansaidova et al. (2025), стресс матерей положительно связан с низким социально-экономическим статусом (СЭС) и отрицательно — с уровнем социальной поддержки и размером населенного пункта. Интересно, что материнский стресс опосредует взаимосвязь между СЭС семьи и стрессом у ребенка, в то время как прямая связь СЭС и детского стресса является незначимой.

Таким образом, имеющиеся исследования убедительно демонстрируют, что материнский стресс и особенности родительского поведения являются важными факторами развития детского стресса. Кроме этого, они опосредуют проявление у детей негативных психологических последствий военных действий. Вместе с тем до сих пор недостаточно изученными остаются два вопроса.

Во-первых, непонятно, как именно расстояние до боевых действий влияет на стресс матери. Есть ли основания полагать, что оно плавно снижается по мере удаления от линии фронта?

Во-вторых, неизвестно, является ли влияние материнского стресса и стиля воспитания на психическое состояние детей самостоятельным значимым фактором, или оно полностью объясняется другими внешними факторами, в частности общим уровнем неблагополучия или опасности в регионе.

Цель исследования — оценить влияние близости к зоне боевых действий на материнский стресс, стиль воспитания и уровень стресса у ребенка, а также определить уникальный вклад материнского стресса и стиля воспитания в уровень детского стресса после контроля фактора региональной близости к зоне боевых действий.

Тестированию подвергались следующие ***гипотезы.***

1. Удаленность от зоны боевых действий отрицательно связана с уровнем материнского стресса, негативными стилями воспитания и уровнем детского стресса.

2. Материнский стресс и стиль воспитания вносят уникальный вклад в уровень стресса ребенка, который нельзя объяснить лишь неблагоприятной обстановкой в регионе.

Материалы и методы

Участники и процедура исследования. В исследовании приняли участие 5296 человек — родители и другие члены семей детей дошкольного возраста, проживающих в Донецкой народной республике, Республике Крым и других регионах России — Москве, Сочи, а также в городах Алтайского края, Пермского края, Татарстана и Якутии. Для повышения валидности результатов было принято решение использовать только ответы матерей. Итоговая выборка включила 3544 участницы в возрасте от 20 до 70 лет (M = 35,87, SD = 5,43). Возраст детей (1844 мальчика, 1698 девочек) составил от 4 до 7 лет (M = 5,16, SD = 0,84). Сбор данных осуществлялся анонимно через онлайн-платформу Testograf. Сообщалось, что исследование посвящено переживанию стресса и способам его преодоления и что полученная информация будет использована для разработки программ эффективного психологического сопровождения семей с детьми дошкольного возраста. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы трех диагностических методик.

Методики. В исследовании использовались следующие методики.

Шкала воспринимаемого стресса (Золотарева, 2023) представляет собой адаптированную русскоязычную версию оригинальной методики Perceived Stress Scale Ш. Коэна (Cohen et al., 1983). Она оценивает общий уровень воспринимаемого стресса как степень, в которой человек оценивает события своей жизни как стрессовые. В текущем исследовании использовалась краткая версия данной шкалы, состоящая из четырех пунктов ($\alpha = 0{,}58$). Участниц просили оценить, как часто за последний месяц они чувствовали, (1) что не могут контролировать важные моменты своей жизни, (2) что им не преодолеть всех скопившихся трудностей, (3) что они уверены в своей способности справляться с личными проблемами и (4) что все идет так, как это нужно им. Для ответов использовалась шкала Лайкерта от 1 («никогда») до 4 («очень часто»).

Шкала воспринимаемого стресса для детей (Корниенко и др., 2024) представляет собой адаптированную русскоязычную версию Perceived Stress Scale for Children (White, 2014). Она разработана по аналогии со Шкалой воспринимаемого стресса для взрослых и оценивает, в какой степени ребенок демонстрирует поведенческие признаки стресса. В настоящем исследовании в шкалу были включены шесть пунктов ($\alpha = 0{,}72$), по которым матери оценивали выраженность у ребенка поведенческих проявлений стресса за прошедшую неделю (спешка; беспокойство о том, что он слишком занят; чувство злости и т. д.). Использовалась шкала Лайкерта от 1 («никогда») до 4 («очень часто»).

Опросник для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (Логинова и др., 2016) представляет собой адаптированную русскоязычную версию Alabama Parenting Questionnaire — Preschool Revision (Clerkin et al., 2007). Она включает 17 пунктов, образующих три шкалы (позитивное, непоследовательное и карательное воспитание). Шкала позитивного воспитания ($\alpha = 0{,}78$) подразумевает поддержку и вовлеченность родителя в жизнь ребенка (например, «вы хвалите своего ребенка, когда он хорошо себя ведет»). Шкала непоследовательного воспитания ($\alpha = 0{,}59$) описывает несоблюдение родителем своих обещаний и правил (например, «вы угрожаете наказать ребенка, а потом не наказываете его на самом деле»). Шкала карательного воспитания ($\alpha = 0{,}69$) предполагает использование родителем различных видов наказания в качестве приемлемых (например, «вы можете ударить ребенка рукой, когда он сделал что-нибудь плохое»). Использовалась шкала Лайкерта от 1 («никогда») до 5 («всегда»).

Анализ данных. Обработка результатов осуществлялась в программе JASP 0.19.2 с использованием кластерного анализа (метод K-средних), од-

нофакторного дисперсионного анализа, таблиц сопряженности (χ^2) и иерархического дисперсионного анализа. Распределение шкал подвергалось коррекции с помощью Box-Cox преобразования. При выполнении дисперсионного анализа применялась коррекция ошибки I типа (поправка Games-Howell для множественных сравнений). Кластерный анализ использовался для выделения групп матерей, демонстрирующих специфические стили воспитания, представляющие собой разные комбинации выраженности его отдельных видов. С помощью дисперсионного анализа и таблиц сопряженности анализировались эффекты региона проживания (территория проведения специальной военной операции, пограничная территория, удаленные территории) на выраженность показателей материнского и детского стресса и стилей воспитания. Иерархический регрессионный анализ применялся для выявления инкрементальных вкладов материнского стресса и стиля воспитания в уровень стресса ребенка после учета вклада региона.

Результаты

На основе разных сочетаний типов воспитания с помощью кластерного анализа было выделено 3 группы участников, которые значимо различались между собой по выраженности каждого отдельного типа: позитивного ($F = 147{,}58$, $p < 0{,}001$), карательного ($F = 2232{,}23$, $p < 0{,}001$) и непоследовательного ($F = 2715{,}02$ $p < 0{,}001$). В первый кластер вошли 1436 человек с высокой выраженностью позитивного и низкой — карательного и непоследовательного типов воспитания. Данный кластер получил название «позитивный последовательный стиль». Во второй кластер вошли 1382 человека с высокой выраженностью позитивного и непоследовательного типов воспитания и низкой — карательного. Данный кластер получил название «позитивный непоследовательный стиль». В третий кластер вошли 857 человек с относительно низкой выраженностью позитивного и высокой — карательного и непоследовательного типов воспитания. Данный кластер получил название «карательный непоследовательный стиль».

Анализ различий переменных стресса и стилей родительского воспитания в исследуемых регионах показал следующее. Были обнаружены значимые различия в показателях воспринимаемого детского ($F = 11{,}78$, $p < 0{,}001$) и материнского ($F = 14{,}68$, $p < 0{,}001$) стресса. Уровень детского стресса был значительно выше в ДНР, чем в Республике Крым ($p < 0{,}001$) и других регионах ($p = 0{,}01$), а уровень материнского стресса — выше в ДНР, чем в Республике Крым ($p < 0{,}001$) и других регионах ($p < 0{,}001$),

а также в Республике Крым, чем в других регионах ($p = 0,01$). Таким образом, самый высокий уровень стресса наблюдался у дошкольников из зоны боевых действий. У детей с пограничных и удаленных территорий уровень стресса был значительно ниже и практически не различался. При этом материнский стресс демонстрировал четкую обратную зависимость от расстояния до зоны конфликта: максимальные значения наблюдались у матерей из ДНР, более низкие — у матерей из Крыма и еще более низкие — у матерей из других регионов России.

С помощью таблиц сопряженности (табл. 1) удалось обнаружить значимую связь разных стилей материнского воспитания с регионом проживания ($\chi^2 = 50,71$, $p < 0,001$).

Таблица 1 / Table 1

Распределение типов материнского воспитания с учетом региона проживания
Distribution of maternal upbringing types by region of residence

Стили воспитания / Parenting styles	Количество / Count	Регион / Region			Всего / Total
		ДНР / Donetsk People's Republic	Республика Крым / Republic of Crimea	Другие регионы / Other regions	
Позитивный последовательный / Positive, consistent	Наблюдаемое / Observed	144	1122	107	1373
	Ожидаемое / Expected	161,94	1108,78	102,28	1373
Позитивный непоследовательный / Positive, inconsistent	Наблюдаемое / Observed	**124**	1112	116	1352
	Ожидаемое / Expected	**159,46**	1091,82	100,71	1352
Карательный непоследовательный / Punitive, inconsistent	Наблюдаемое / Observed	**150**	628	**41**	819
	Ожидаемое / Expected	**96,60**	661,39	**61,01**	819
Всего / Total	Наблюдаемое / Observed	418	2862	264	3544
	Ожидаемое / Expected	418	2862	264	3544

Примечание: наиболее существенные расхождения (≥20%) между наблюдаемым и ожидаемым количеством человек в подгруппах выделены жирным шрифтом.
Note: the most substantial discrepancies (≥20%) between the observed and expected counts in the subgroups are highlighted in bold.

Наиболее значимое расхождение между наблюдаемым и ожидаемым количеством человек обнаружено в подгруппах матерей из ДНР с карательным непоследовательным стилем (+55%) и позитивным непоследовательным стилем (—22%), а также в подгруппе матерей из других регионов с карательным непоследовательным стилем (—33%). Таким образом, анализ показал, что карательный непоследовательный стиль воспитания преобладает у матерей, проживающих в ДНР.

Для проверки гипотезы об инкрементальном вкладе воспринимаемого материнского стресса и стилей воспитания в воспринимаемый детский стресс после учета фактора региона был проведен иерархический регрессионный анализ, в который на первом шаге включался показатель региона проживания, на втором — воспринимаемый материнский стресс, а на третьем — стили материнского воспитания. Результаты анализа представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2 / Table 2

Показатели качества и инкрементальной валидности иерархических регрессионных моделей
Goodness-of-fit and incremental validity indices of hierarchical regression models

Модель / Model	Adjusted R^2	AIC	BIC	ΔR^2	ΔF	p	r_k	DW	p
M_0	0,00	1054,81	1066,97	0,00			–0,01	2,01	0,79
M_1	0,01	1036,18	1060,51	0,01	11,34	< ,001	–0,01	2,02	0,53
M_2	0,05	877,80	908,20	0,05	164,23	< ,001	–0,02	2,03	0,44
M_3	0,09	746,57	789,13	0,04	68,92	< ,001	–0,02	2,03	0,41

Примечание: r_k — коэффициент автокорреляции; DW — статистика Дарбина—Уотсона. Состав предикторов моделей: M_1 — регион проживания; M_2 — регион проживания, воспринимаемый материнский стресс; M_3 — регион проживания, воспринимаемый материнский стресс, стили воспитания.
Note: r_k — sample autocorrelation coefficient; DW — Durbin-Watson statistic. Predictor composition of the models: M_1 — region of residence; M_2 — region of residence, perceived maternal stress; M_3 — region of residence, perceived maternal stress, parenting styles.

Результаты анализа свидетельствовали о статистической значимости всех полученных моделей: $F(M_1) = 11,34$, $p < 0,001$; $F(M_2) = 62,69$,

$p < 0{,}001$; $F(M_3) = 66{,}76$, $p < 0{,}001$. При этом первая модель предсказывала 1%, вторая — 5%, а третья — 9% дисперсии воспринимаемого детского стресса. Инкрементальный вклад материнского стресса после учета вклада региона оказался значимым ($\Delta F = 164{,}23$, $p < 0{,}001$; $\Delta R^2 = 0{,}05$). Инкрементальный вклад стилей воспитания после учета вкладов региона и материнского стресса также оказался значимым ($\Delta F = 68{,}92$, $p < 0{,}001$; $\Delta R^2 = 0{,}04$).

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты предикторов иерархических регрессионных моделей
Predictor coefficients of hierarchical regression models

Модель / Model	Предикторы / Predictors	Коэффициенты / Coefficients			t	p	T	VIF
		B	SE	β				
M_0	Свободный член / Intercept	–0,97	0,01		–193,23	< ,001		
M_1	Свободный член / Intercept	–0,91	0,01		–63,44	< ,001		
	Регион (ДНР) / Region (Donetsk People's Republic)	–0,07	0,02		–4,76	< ,001	1,00	1,00
	Регион (Другие регионы) / Region (Other regions)	–0,06	0,02		–2,48	0,01		
M_2	Свободный член / Intercept	–0,66	0,02		–28,26	< ,001		
	Регион (ДНР) / Region (Donetsk People's Republic)	–0,06	0,02		–3,94	< ,001	1,00	1,00
	Регион (Другие регионы) / Region (Other regions)	–0,03	0,02		–1,39	0,16		
	Воспринимаемый стресс матери / Perceived stress in mothers	0,31	0,02	0,22	12,82	< ,001	1,00	1,00
M_3	Свободный член / Intercept	–0,76	0,03		–30,71	< ,001		

Модель / Model	Предикторы / Predictors	Коэффициенты / Coefficients			t	p	T	VIF
		B	SE	β				
	Регион (ДНР) / Region (Donetsk People's Republic)	–0,05	0,02		–3,05	0,001	1,00	1,01
	Регион (Другие регионы) / Region (Other regions)	–0,01	0,02		–0,57	0,57		
	Воспринимаемый стресс матери / Perceived stress in mothers	0,26	0,02	0,19	11,00	< ,001	0,98	1,02
	Стиль воспитания (Позитивный непоследовательный) / Parenting style (Positive, inconsistent)	0,04	0,01		3,67	< ,001	0,99	1,01
	Стиль воспитания (Карательный непоследовательный) / Parenting style (Punitive, inconsistent)	0,15	0,01		11,62	< ,001		

Анализ коэффициентов предикторов первой модели показал, что регион проживания вносит значимый вклад в показатель воспринимаемого детского стресса. Вероятность его высоких значений увеличивается, как в случае проживания ребенка в ДНР ($t = —4{,}76$, $p < 0{,}001$), так и в случае его проживания в удаленных от боевых действий регионах РФ ($t = –2{,}48$, $p = 0{,}01$), по сравнению с Республикой Крым.

При добавлении материнского стресса в качестве предиктора влияние региона на детский стресс уменьшается, причем проживание в ДНР сохраняет свою предсказательную силу ($t = —3{,}94$, $p < 0{,}001$), а проживание в удаленных от боевых действий регионах, наоборот, утрачивает значимость ($t = –1{,}39$, $p = 0{,}16$). Стресс у матери демонстрирует, поверх влияния региона, сильное положительное и самостоятельное влияние на детский стресс ($t = 12{,}82$, $p < 0{,}001$; $B = 0{,}31$, $\beta = 0{,}22$,).

При добавлении стиля воспитания в качестве дополнительного предиктора влияние региона на детский стресс обнаруживает сниже-

ние. При этом проживание в ДНР сохраняет предсказательную силу ($t = -3{,}05$, $p < 0{,}001$). Влияние материнского стресса также демонстрирует некоторое снижение, однако остается значимым ($t = 11{,}00$, $p < 0{,}001$; $B = 0{,}26$, $\beta = 0{,}19$,). Стиль воспитания демонстрирует самостоятельное влияние на детский стресс после учета влияния региона и материнского стресса. При этом высокие значения детского стресса являются, как в случае позитивного непоследовательного воспитательного стиля ($t = 3{,}76$, $p < 0{,}001$), так и в случае карательного непоследовательного стиля ($t = 11{,}62$, $p < 0{,}001$), более вероятными по сравнению с позитивным последовательным воспитательным стилем матери. При этом влияние карательного непоследовательного стиля является более значимым.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что показатели детского и материнского стресса, а также стилей материнского воспитания характеризуются качественной спецификой, связанной с регионом проживания. Уровень материнского стресса обнаруживает последовательное линейное снижение по мере удаления от зоны боевых действий, что согласуется с данными других исследований, проведенных в зонах военных конфликтов (Feldman et al., 2013; Sim et al., 2018). В свою очередь, влияние региона и карательного непоследовательного стиля воспитания на выраженность детского стресса является нелинейным: непосредственно за пределами зоны боевых действий его показатели снижаются, но на прилегающих и удаленных территориях не обнаруживают значимых различий. Это можно объяснить опосредующим влиянием материнского стресса. Его снижение до среднего уровня обусловливает значимый позитивный эффект как на стили воспитания, так и на эмоциональное благополучие ребенка.

Результаты регрессионного анализа позволили проследить специфические вклады региона, материнского стресса и стилей воспитания в уровень детского стресса. Оказалось, что при фиксированном влиянии фактора региона (т. е. условно «внутри» одного региона) более высокий материнский стресс остается значимым предиктором детского стресса. Это означает, что даже в относительно безопасном регионе у ребенка, чья мать испытывает высокий субъективный стресс,

с большей вероятностью будет наблюдаться повышенный уровень стресса. И наоборот, в объективно стрессогенном регионе устойчивое психическое состояние матери и низкий уровень ее стресса являются защитными факторами, обеспечивающими благоприятное психоэмоциональное состояние ребенка. Это согласуется с моделью опосредованного влияния материнского состояния на благополучие ребенка, описанной в исследованиях (Feldman et al., 2013; Halevi et al., 2016, 2017; Zamir et al., 2018).

Таким образом, ключевой вывод нашего исследования заключается в том, что влияние военных действий, материнского стресса и стилей воспитания нельзя рассматривать как каузальные события, которые запускают «цепную реакцию», приводящую к развитию детского стресса. Материнский стресс не является прямым следствием неблагоприятных условий региона проживания, а стили воспитания не являются прямым следствием материнского стресса или неблагоприятных условий среды. Каждый из этих факторов вносит независимый вклад в уровень детского стресса, причем вклад материнского стресса превышает влияние региона, а вклад негативных стилей воспитания — и влияние региона, и влияние стресса матери.

Важно отметить, что выявленный эффект влияния региона на уровень материнского стресса означает, что дети из ДНР объективно нуждаются в первоочередной помощи, которая должна осуществляться через работу со стрессом матерей и коррекцию их воспитательного поведения. В то же время нельзя утверждать, что дети из других, условно безопасных, регионов находятся вне зоны риска (ср.: Dzhansaidova et al., 2025; Rudnova, Kornienko, 2024).

Заключение

Полученные в исследовании результаты поддерживают выдвинутые гипотезы. Во-первых, обнаружено, что по мере удаления от зоны боевых действий материнский стресс демонстрирует поступательное снижение, в то время как негативные стили воспитания и уровень детского стресса резко снижаются за пределами зоны боевых действий, но не различаются на прилегающих и удаленных территориях. Во-вторых, обнаружено, что материнский стресс и, в особенности, карательный непоследовательный стиль воспитания вносят существенный вклад в развитие детского стресса. Этот вклад не объясняется различиями между регионами

(близостью к зоне военных действий) и сохраняет свою силу независимо от того, где живет семья.

Полученные нами данные позволяют предположить, что мероприятия, направленные на снижение детского стресса, должны носить комплексный характер, затрагивая и коррекцию взаимодействий матери с ребенком, и снижение материнского стресса, и создание безопасной поддерживающей среды.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно назвать, безусловно, изучение отдаленных последствий военной травмы у матерей и детей, проживающих в зонах боевых действий и на прилегающих территориях. Кроме того, полученные результаты открывают возможности для реализации междисциплинарных проектов на стыке психологии, социологии и экономики, направленных на создание среды, поддерживающей психическое здоровье семей.

Ограничения. Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, мы исходили из предположения о том, что материнский стресс влияет на стиль воспитания, который, в свою очередь, влияет на детский стресс. Вместе с тем можно предположить и обратное влияние, которое заключается в том, что проблемное поведение ребенка повышает стресс матери и провоцирует использование ею негативных воспитательных стратегий. Во-вторых, данные о стрессе у ребенка и стилях воспитания были получены исключительно от матерей. Это могло привести к завышению корреляций между переменными из-за единого источника информации. В-третьих, матери, находясь под влиянием стресса, могли давать не вполне адекватные оценки как поведения ребенка, так и своего собственного взаимодействия с ним. Наконец, исследование не учитывало ряд контекстных факторов, в частности роль отцов в воспитании ребенка.

Limitations. The study has several limitations. First, it was assumed that maternal stress affects parenting style, which in turn affects child stress. However, a reverse causal direction cannot be excluded — namely, that child problem behaviors increase maternal stress and lead to negative parenting practices. Second, information on child stress and parenting styles was obtained exclusively from mothers. This single-informant design may have overestimated the correlations among the variables. Third, because mothers themselves were experiencing stress, their evaluations of both child behavior and their own interactions may have been biased. Finally, various contextual factors were not considered, particularly the role of fathers in rearing the child.

Список источников / References

1. Золотарева, А.А. (2023) Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14). *Клиническая и специальная психология, 12*(1), 18—42. https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102
   Zolotareva, A.A. (2023). Psychometric Properties of the Russian Version of the Perceived Stress Scale (PSS-4, 10, 14). *Clinical Psychology and Special Education, 12*(1), 18—42. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102
2. Ковалевская, А.П. (2020). Влияние экстремальной ситуации военного конфликта на эмоциональное состояние детей дошкольного возраста. *Вестник Вятского государственного университета, 2*(136), 142—149. https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.033
   Kovalevskaya, A.P. (2020). Influence of an extreme situation of a military conflict on the emotional state of preschool children. *Herald of Vyatka State University, 2*(136), 142—149. (In Russ.). https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.033
3. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Тарасова, К.С. (2024). Шкала воспринимаемого стресса для детей: психометрические показатели. *Клиническая и специальная психология, 13*(2), 129—146. https://doi.org/10.17759/cpse.2024130208
   Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Tarasova, K.S. (2024). Psychometric Properties of the Perceived Stress Scale for Children (PSS-C). *Clinical Psychology and Special Education, 13*(2), 129—146. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/cpse.2024130208
4. Логинова, С.В., Слободская, Е.Р., Козлова, Е.А., Корниенко, О.С. (2016). Адаптация опросника для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (APQ-PR). *Психологические исследования, 9*(47), 12. https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.471
   Loginova, S., Slobodskaya, E., Kozlova, E., Kornienko, O. (2016). Psychometric properties of a Russian version of the Alabama Parenting Questionnaire — Preschool revision (APQ-PR). *Psychological Studies, 9*(47), 12. (In Russ.). https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.471
5. Макеева, Н.Ю. (2023) Особенности психоэмоционального благополучия детей в условиях специальной военной операции. *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология», 2*(63), 31—39. https://doi.org/10.26456/vtpsyped/2023.2.031
   Makeeva, N.Yu. (2023). Features of psycho-emotional well-being of children under the conditions of a special military operation. *Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology, 2*(63), 31—39. (In Russ.). https://doi.org/10.26456/vtpsyped/2023.2.031
6. Ткаченко, Н.С., Мишина, М.М. (2024).Личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 47*(2), 153—174. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19
   Tkachenko, N.S., Mishina, M.M. (2024). Personal Characteristics of Students who Left the Zone of Military Operations. *Lomonosov Psychology Journal, 47*(2), 153—174. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19

7. Clerkin, S. M., Marks, D. J., Policaro, K. L., Halperin, J. M. (2007). Psychometric properties of the Alabama parenting questionnaire-preschool revision. *Journal of clinical child and adolescent psychology : the official journal for the Society of Clinical Child and Adolescent Psychology, American Psychological Association, Division 53, 36*(1), 19—28. https://doi.org/10.1080/15374410709336565
8. Cohen, S., Kamarck, T., & Mermelstein, R. (1983). A global measure of perceived stress. *Journal of health and social behavior, 24*(4), 385—396. http://dx.doi.org/10.2307/2136404
9. Dolgikh, A.G., Almazova, O.V., Molchanov, S.V., Shaigerova, L.A. (2025). The Effects of Emotional States and World Assumptions on Moral Disengagement in Adolescents from Combat Zones, *Psychology in Russia: State of the Art, 18*(2), 97—112. DOI: 10.11621/pir.2025.0206
10. Dzhansaidova, Z., Rudnova, N., Kornienko, D., Pashenko, A. (2025). Sociodemographic Predictors of Perceived Stress in Children and their Mothers. *Revista de investigación e innovación en ciencias de la salud, 7*(2), 1—20. https://doi.org/10.46634/riics.397
11. Feldman, R., Vengrober, A., Ebstein, R.P. (2014). Affiliation buffers stress: cumulative genetic risk in oxytocin-vasopressin genes combines with early caregiving to predict PTSD in war-exposed young children. *Translational psychiatry, 4*(3), Article 370. https://doi.org/10.1038/tp.2014.6
12. Feldman, R., Vengrober, A., Eidelman-Rothman, M., Zagoory-Sharon, O. (2013). Stress reactivity in war-exposed young children with and without posttraumatic stress disorder: relations to maternal stress hormones, parenting, and child emotionality and regulation. *Development and psychopathology, 25*(4/1), 943—955. https://doi.org/10.1017/S0954579413000291
13. Halevi, G., Djalovski, A., Kanat-Maymon, Y., Yirmiya, K., Zagoory-Sharon, O., Koren, L., Feldman, R. (2017). The social transmission of risk: Maternal stress physiology, synchronous parenting, and well-being mediate the effects of war exposure on child psychopathology. *Journal of abnormal psychology, 126*(8), 1087—1103. https://doi.org/10.1037/abn0000307
14. Halevi, G., Djalovski, A., Vengrober, A., Feldman, R. (2016). Risk and resilience trajectories in war-exposed children across the first decade of life. *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines, 57*(10), 1183—1193. https://doi.org/10.1111/jcpp.12622
15. Hasandedic-Dapo, L., Cihan, H. (2025). The silent echoes of war: Parenting and trauma transmission in Bosnia and Herzegovina. *OPUS– Journal of Society Research, 22*(2), 280—296. https://doi.org/10.26466/opusjsr.1637748
16. Rudnova, N.A., Kornienko, D.S. (2024). Mothers' Stress as a Predictor of Preschoolers' Stress in the Context of Parental Practices. *Children (Basel, Switzerland), 11*(11), Article 1274. https://doi.org/10.3390/children11111274
17. Shachar-Dadon, A., Gueron-Sela, N., Weintraub, Z., Maayan-Metzger, A., Leshem, M. (2017). Pre-Conception War Exposure and Mother and Child Adjustment 4 Years Later. *Journal of abnormal child psychology, 45*(1), 131—142. https://doi.org/10.1007/s10802-016-0153-9

18. Sim, A., Bowes, L., Gardner, F. (2018). Modeling the effects of war exposure and daily stressors on maternal mental health, parenting, and child psychosocial adjustment: a cross-sectional study with Syrian refugees in Lebanon. *Global mental health, 5*, Article 40. https://doi.org/10.1017/gmh.2018.33
19. White, B. P. (2014). The Perceived Stress Scale for Children: A Pilot Study in a Sample of 153 Children. *International Journal of Pediatrics and Child Health, 2*(2), 45—52. https://doi.org/10.12974/2311-8687.2014.02.02.4
20. Zamir, O., Gewirtz, A.H., Dekel, R., Lavi, T., Tangir, G. (2020). Mothering under political violence: Post-traumatic symptoms, observed maternal parenting practices and child externalising behaviour. *International journal of psychology, 55*(1), 123—132. https://doi.org/10.1002/ijop.12557

Информация об авторах

Милена Валерьевна Балева, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация; профессор кафедры общей и клинической психологии, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО ПГНИУ), Пермь, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7334-3635, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Наталья Александровна Руднова, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2063-2892, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Валерия Андреевна Плотникова, младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1092-3290, e-mail: ler.shinelis@yandex.ru

Арина Николаевна Шатская, научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7283-8011, e-mail: arina.shatskaya@mail.ru

Елена Георгиевна Максименко, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация; профессор кафедры общей психологии, биологический факультет, Донецкий государственный уни-

верситет (ФГБОУ ВО ДонГУ), Донецк, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-0931-0980, e-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru

Ирина Викторовна Султанова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация; заведующая, доцент кафедры психологии, Севастопольский государственный университет (ФГАОУ ВО СевГУ), Севастополь, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-8306-4290, e-mail: irsan11@rambler.ru

Information about the authors

Milena V. Baleva, Doctor of Science in Psychology, Leading Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (FSC PIR), Moscow, Russian Federation; Professor, Department of General and Clinical Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University (PSNRU), Perm, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7334-3635, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Natalia A. Rudnova, Candidate of Science in Psychology, Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (FSC PIR), Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2063-2892, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Valeriya A. Plotnikova, Junior Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (FSC PIR), Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1092-3290, e-mail: ler.shinelis@yandex.ru

Arina N. Shatskaya, Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (FSC PIR), Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7283-8011, e-mail: arina.shatskaya@mail.ru

Elena G. Maksimenko, Doctor of Science in Psychology, Leading Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (FSC PIR), Moscow, Russian Federation; Professor, Department of General Psychology, Faculty of Biology, Donetsk State University (DonSU), Donetsk, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-0931-0980, e-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru

Irina V. Sultanova, Candidate of Science in Psychology, Senior Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (FSC PIR), Moscow, Russian Federation; Head of Department, Associate Professor, Department of Psychology, Sevastopol State University (SevSU), Sevastopol, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-8306-4290, e-mail: irsan11@rambler.ru

Вклад авторов

Балева М.В. — анализ данных; написание и оформление рукописи.

Руднова Н.А. — подготовка исследования; подготовка данных к анализу.

Плотникова В.А. — методическое сопровождение сбора данных; обработка данных.

Шатская А.Н. — методическое сопровождение сбора данных; обработка данных.

Максименко Е.Г. — организация исследования; сбор данных.

Султанова И.В. — организация исследования; сбор данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Milena V. Baleva — data analysis; writing and design of the manuscript.

Natalia A. Rudnova — study design; data preparation for analysis.

Valeriya A. Plotnikova — methodological guidance of data collection; data processing.

Arina N. Shatskaya— methodological guidance of data collection; data processing.

Elena G. Maksimenko— study organization; data collection.

Irina V. Sultanova— study organization; data collection.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 12.09.2025 — Received 2025.09.12
Поступила после рецензирования 11.07.2026 — Revised 2026.07.11
Принята к публикации 01.08.2026 — Accepted 2026.08.01
Опубликована 30.09.2026 — Published 2026.09.30